

Степные сказки Семьи Ш'шиимар

автор: Рино Кроу

Рино Кроу Степные сказки Семьи Ш'иимар

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68816517
SelfPub; 2023*

Аннотация

В давние-давние времена на просторах далеких-далеких степей кочует семья Ш'иимар. Долгими холодными ночами у костров рассказывают старшие своим детям сказки о мире и его красоте, о родных просторах и о тех, кто живет, обитает и существует в мире.

Рино Кроу

Степные сказки

Семьи Ш'имар

Договор с духом гор

Раскинулась по земле степь – выше гор, глубже моря. Кто знает – тот поймет, кто поймет – согласится. Ну, а кто не знает и не поймет – про того и речь не идет.

Поет-шумит по степи ковыль; поют-звенят по степи конские копыта; поют-рассказывают о жителях степей, о вольном ветре, о ярком пламени, о ясной воде. Рассказывают о том, что говорили прадедам нынешних стариков их прадеды.

* * *

Рассказывают об одной семье кочевников, бродящих прежде по степи. Богата семья была ремеслом и умением разным, конями, верблюдами да овцами. Но была у этой семьи одна беда: рано уходили ее первенцы в Небесные Поля. Как настает срок – достигает первенец Второго Имени, идет в Дальние Горы и там пропадает. Вторые же и последующие дети живут и родителей радуют. И каждый Большой Круг лет Рок Неизвестности пятую, а то и четвертую часть детей. И не знали люди – за что такая беда на семью обрушилась?

Проходили раз кочевники той семьи мимо Дальних Гор, и

подступал Срок. И решил один из семьи пойти к Великому Духу, что по слухам обитал в тех горах, и узнать – за что так наказана семья?

Шел он горными тропками – узкими, как косная лента де-вушки; расщелинами – глубокими, как горе матери, потеряв-шей ребенка; тоннелями – извилистыми, как змеиный след; и темными – как душа недоброго человека. И пришел в са-мую глубокую и темную пещеру. Ощутил он, будто овеваает его сухой теплый ветер, хотя не может быть ветра в пеще-ре; и услышал звук – будто сыплется где-то мелкая галька. Страшно стало степняку – а что как разгневается на него Дух гор за незванный визит? Но скрепил он свое сердце, поборол страх – потому как семье помощь нужна.

И встретил его Дух гор – темный, как ночь; огромный, как как сама пещера; неуловимый, как туман поутру – и спро-сил голосом, как будто камешки шуршат: – Зачем ты при-шел сюда, человек степей, какие тропы привели тебя сюда? Берегись, коли привело лишь пустое любопытство – никогда не найдешь дороги наверх и останешься здесь навек.

И ответил человек степей, кочевник: – Великий Дух гор, я пришел сюда спросить твоего совета. Ибо вся степь полнится слухами о твоей мудрости.

– Говори, спрашивай, человек степей. – Разрешил горный Дух.

И поведал кочевник духу гор беду своей семьи. И спросил: отчего, кто и почему наказал так семью степняков?

Сухо рассмеялся Дух гор – будто пересыпается песок в глиняный кувшин – и ответил: – Давным-давно заключили ваши пращурь со мной договор – будут у вас все блага и богатства, какие пожелает кочевой народ, но за это вы должны будете отдавать мне пятерых детей в жертву каждый Большой Круг. Первые годы выполняли вы свой зарок; а потом нарушили слово – забыли или сами отказались. Долго терпел я, ждал – когда вы вспомните о своем обещании, да не дождался. И решил брать больше того, о чем был договор. Вот оттого теперь вы и отдаете пятую часть своих первенцев. И будет так до тех пор, пока не вернется все в рамки договора; или пока не расторгнем мы его вместе, но тогда отвернется от вас удача и богатство.

И сказал человек степей: – Великий Дух гор, я хочу от имени своего народа заключить с тобой новый договор. Оберегай ты нас, как прежде; мы же, в свою очередь, будем приносить тебе в жертву пятую часть своего скота и трудов своих рук – будь то ковры от ткачества, кувшины от гончаров, и прочее.

Согласился горный Дух, отпустил человека степей, чтобы тот донес новый договор до своей семьи; но предупредил, что если вновь решат кочевники обмануть Духа или забудут об уговоре, то будет забирать горный Дух не детей, но лучших мастеров, а там и вовсе изведет весь под корень род.

И исполняют с тех пор кочевники уговор с Духом гор; и не мутнеют отныне глаза матерей от слез потерь и горя; и зву-

чат в степи, где кочует та семья, звонкий детский смех; и не переводятся в той семье удача и богатства.

Конец

Древесник

Было это в те стародавние времена, когда помыслы людей были в одной силе с силой слова, а сила слова была на равных с силой деяния. И было так, что если честны и прямы были помыслы и желания людей, то исполнялись они всемогущими духами, коих никто никогда не видел, но кого почитали от мала до велика – от северных морей до южных степей.

* * *

И было так... Оборонялись защитники одной северной крепости от западных захватчиков вот уже сколько дней и ночей подряд, хватило бы того времени честной жене на то, чтобы зачать и понести младенца, да родить его. Но было бы горьким то рождение, даже если прежде мечтали об этом младенце день и ночь и много месяцев все, кто в семье этой живет, ибо нынче голод и плач ежечасный были во всей крепости, и не было семьи, в которой бы не стонали по погибшим.

И вот настал тот черный день, когда не стало в крепости еды; последние куски хлеба и воду делили между детьми и воинами. Первым – чтобы выжить, вторым – чтобы были силы держать оружие в руках. Стали советоваться меж собой

командиры крепости – что делать, чтобы не помереть страшной голодной смертью. Ведь не станет скоро хлеба и воды даже для детей и воинов, а старики и женщины уже уходят в Серые Долины смерти. И порешили, что уведут тех, кто не в силах сражаться, тайными тропами. А для того, чтобы не погнались за отступающими враги, остающиеся воины должны их внимание на себя отвлечь и задержать как можно на дольше. Понимали защитники крепости, что последней станет для них эта битва; ведь некуда им отступать, неоткуда помощи ждать, не придет она ниоткуда – ведь всю страну эта черная беда охватила. Но не было страха в сердцах защитников крепости; лишь за своих близких, умирающих с голоду, боялись они. Потому и поддержали решение командиров, согласились с ним. А вот те, кого намеревались спасти, воспротивились – потому как не хотели они покидать своих близких, бросить их в трудную минуту без поддержки. И женщины, и старики и даже малые дети горели желанием помогать воинам, отомстить врагам с запада за порушенные дома, за сожженные земли, за убитых. И с большим трудом уговорил их главный командир уйти из крепости. Говорил он, что не может дать погибнуть женщинам – потому что они должны будут продолжить род людской; старикам – потому что с их смертью уйдут старые знания и мудрость, а без мудрости и знаний о прошлом не может быть доброго будущего; ни детям – ведь они и есть это самое будущее. И говорил он, что мало осталось провианта, и сложно теперь стало делить

его; а если не будет еды, то не будет у людей сил помогать воинам-защитникам. И говорил старый командир, что ежели доберутся люди до мест хоть чуть более безопасных, то будет там еда, и будут силы продолжать борьбу с врагом.

Ушли слабые из крепости. Ушли тайной тропой, о которой не было известно врагам, а защитники в атаку пошли. Не надеялись они прорвать кольцо вражеских войск, но лишь отвлекали врага – чтобы бросил он все свои силы на битву, и не осталось бы у него возможности и времени преследовать беглецов. Удалась хитрость старого командира – бросился враг всеми силами на отважных защитников крепости так, словно вся жизнь вражеская, все цели и помыслы были лишь в том, чтобы сломить упрямцев, завоевать крепость. Но ни на миг, ни на метр не отступили смельчаки, не уронили чести своей, не предали ни родины, ни долга. Но все же слабе-ла сила защитников.

И вот ворвались враги в крепость. Отдал старый и уже смертельно израненный командир приказ: назад ни шагу, не отдавать ни пяди земли. И вновь закипел страшный крова-вый бой. Выполняли защитники крепости свой долг перед родиной; гибли сами, но забирали с собой по пять, семь, де-сять вражеских жизней. И остался наконец в живых лишь один боец. Убить бы его врагам, да радоваться победе. Но не чувствовали себя победителями западные захватчики – ведь не было в крепости ни единого трупа мирных жителей. А, значит – ушли они как-то и куда-то, и будут мстить. Решили

захватчики у последнего живого да плененного защитника крепости вызнать куда ушли люди. Подступились к нему.

Стоит перед вражеским командиром совсем молодой воин – почти еще мальчик: плечо навывлет прострелено, руку переломанную да без кисти к груди прижимает, в лице ни кровинки, лицо белое – как полотно свежесвыстиранное, дрожит паренек от боли да от слабости качается – вот-вот упадет. Но губы, в кровь искусанные, сжаты упрямо; глаза яростью боя да ненавистью к врагам горят; голова гордо вздернута, взгляда воин не отводит. Не склонится такой перед врагом, не станет о пощаде просить.

Сказал вражеский генерал, что ценит такую верность своему народу, но теперь она для воина бесполезна; потому что как полноводная река заполняют западные захватчики всю страну, а уж крепость и вовсе уже заняли. И сказал вражеский генерал, что все равно найдут его войска беглецов, а потому нет юному защитнику смысла молчать и скрывать тайну. И если скажет он – куда ушли люди из крепости – то залечат лекари генерала раны воина, и получит тот большую награду, и возьмет генерал его в свое войско, и получит храбрец высокий титул и много солдат под начало.

Но только улыбнулся побелевшими от боли губами юный воин. Знал он, что было время у беглецов, чтоб пройти тайными тропами и достигнуть безопасного убежища. И знал он, что ложью окажутся все посулы врага, а молчанием – как оружием можно и убить неприятеля и спасти тех, кто дове-

рил тебе свои жизни.

И сказал вражеский генерал, что коли не откроет юный воин секрета, не скажет – куда ушли беглецы, то подвергнут его самого самым страшным и жестоким пыткам, которые может представить себе человек. Побледнел воин, но не поддался угрозам так же, как и не поверил в обманные обещания захватчиков. Великий гнев охватил черную душу вражеского генерала, и приказал он пытать юношу, пока не скажет тот – куда ушли беженцы из крепости.

Сковали воина стальной цепью, бросили в глубокий колодец, где по шею было воды; и много дней подряд вытаскивали на страшные мучения. Уже и вода в колодце стала красной от крови, и цепь кровью проржавела; но молчал юный воин, не выдавал своей тайны. Много раз уходило от него сознание, но каждый раз вражеские лекари – палачи возвращали смельчака к жизни, чтобы продолжить пытку, чтобы ответил он наконец на вопросы генерала.

И пришёл тот миг, когда понял юный воин, что не умрет он – пока не расскажет все; а сил держаться у него оставалось все меньше. И тогда взмолился воин духам, чтобы помогли они ему слову своему быть твердым да крепким – как камень скалы, как сталь верного оружия, как ствол многовекового дерева; или позволили ему умереть. И услышали духи мольбу защитника крепости. Затрясло землю, стала крепость рушиться, камни из стен домов вылетать, будто из пращи. Завалило этими камнями колодец, где держали пленника. Пе-

реломанное тело юного воина стало твердеть, покрываться корой, вросло тело в землю, проникшую в колодец вместе с камнями сквозь толщу воды. И проросло сквозь каменную пирамиду, вставшее на месте колодца, кривое, будто пораженное стихией дерево.

Когда прошло по крепости землетрясение, обрушившее все здания, бежали в страхе западные захватчики – кто не погиб под камнепадом. А весть о смелом юноше, который предпочел смерть гибели своих близких, разнеслась по всей стране. Дерево же то, которое выросло из тела воина, с тех самых пор стало символом стойкости и верности. И ходили с тех пор слухи, то дерево это до сих пор хранит руины крепости и всю страну от врагов.

Конец

Крылья свободы

Раскинулась по земле степь – выше гор, глубже моря. Кто знает – тот поймет, кто поймет – согласится. Ну, а кто не знает и не поймет – про того и речь не идет.

Поет-шумит по степи ковыль; поют-звенят по степи конские копыта; поют-рассказывают о жителях степей, о вольном ветре, о яром пламени, о ясной воде.

Рассказывают о том, что говорили прадедам нынешних стариков их прадеды. И рассказывали те старики о временах еще более древних, когда стихии природные могли принимать людской облик и так бродили по свету.

* * *

И было так – жил на свете сокол-птица. Летал он по миру, бывал в разных странах, видел много интересного. И был у сокола-птицы добрый друг – ветер. Не раз мчались они наперегонки над каким-нибудь лесом, полем или жильем людским; не раз ветер поддерживал сокола, когда тот уставал после долгой охоты или дальнего перелета. Бывало, что крылья сокола поднимали ветра с земли, когда уже ветер терял силы. Нередко сокол-птица и ветер танцевали в небесной вышине, ликуя о своей свободе. И шумел-свистел ветер, и свистел-кричал сокол-птица – будто пели они хвалебные гимны свободе и братству. И танец становился пеней, и песня перерождалась в танец

Но свобода на то она и свобода, чтобы не быть друзьям все время вместе. И сокол порой охотился вовсе в одиночку и ветер один без своего друга играл с кораблями в море, с мельницами, да и с детишками резвился, гоняя с ними воздушных змеев.

И был один раз, когда ветер умчался по своим делам, а сокол-птица искал добычу, следя з небес за тем, что происходит внизу.

И пролетал он над одной деревней, и увидел пляшущую на площади девушку в алой юбке. Звенели бубенцы на поясе плясуньи, мелкие монеты на ее шейном монисто. Звенели-пели гитара и бубен. Хлопали в ладоши люди вокруг, пе-

ла свирель. И взлетал подол юбки к небесам – подобно языкам пламени, и искрились весельем глаза девушки. И кружил сокол-птица над пляшущей девушкой, позабыв про охоту и про друга своего – ветра.

А ветер, налетавшись да наигравшись в иных краях, вернулся к гнезду сокола. Не нашел он друга на уговоренном месте и полетел искать. И так же долетел до той деревни и стал свидетелем зажигательного танца. И будто от искры вспыхнуло в сердце ветра любовь к огненной деве, ибо почувствовал он ее суть, ее стихию.

А девушка тоже ощутила, что взволновало нечто ее сердце, ее душу, стала плясать еще ярче, еще жарче; да так, будто заметались по площади языки пламени. Ведь всегда так было – где есть сильный огонь, да прилетит ветер – там ветер пламя раздует до небес. Да так, что нередко бедой это все оборачивается – гибнет все живое вокруг, и лишь вода сможет от напасти спасти. Но вот только не было в тот раз поблизости воды – далеко стояла древня от речи.

Испугались люди ярого пламени, разожженного безумным танцем красавицы, стали подале отступать. Кто-то и впрямь за водой бросился – понадеялся, что все же успеет.

Но одумалась тут огненная дева, усмирила свой ярый танец, остановилась. Сбежала веселая улыбка с ее губ потухли глаза, будто пеплом подёрнулись. Отступила она на шаг от того места, где плясала, вспыхнула брызгами пламени да пропала.

Заахали люди, кто танец огненной девы смотрел, бросились врассыпную. Ведь редко кто из стихий показывал смертным людям свою суть.

Разбежались люди, а на обожжённой земле остался лежать сокол-птица, что любовался танцем огненной девы с высоты полета – сильным, видно, оказалось прощальное пламя, достало до небес, опалило крылья сокола. Не мог он шевельнуть крыльями – так сильно болели они, так страшно обгорели перья. А уж о том, чтобы в небо взлететь, и речи не могло стать. Понял тут сокол, что пришла ему пор умирать. Ведь ежели не сможет он подняться в небо, то не сможет и охотиться, не сможет себе добычу найти, голод унять, жизнь поддерживать. Стал он звать на помощь своего приятеля – ветра.

Не сразу откликнулся ветер – видел он – с какой страстью смотрел сокол-птица на огненную деву, и бушевала в душе ветра ревность. Хотел он сам полететь за красавицей и признаться ей в своих чувствах. Но взмолился сокол слезно, помянул их дружбу, их свободу да их взаимовыручку частую. И дрогнуло сердца ветра. Понял он, что не будет ему счастья с порывистой да вспыльчивой огненной красавицей – спалит-иссушит она ветер. А друг, верный и преданный, смертью страшной помереть может, коли не прийти ему на помощь.

Скользнул ветер с кустов, оказался рядом, принялся дыханием своим прохладным остужать обожжённые крылья. А

потом вовсе поднял сокола-птицу на руки, да понес в густой лес где на высоком дереве свил в давние годы сокол себе гнездо.

Конец

Омут

Раскинулась по земле степь – выше гор, глубже моря. Кто знает – тот поймет, кто поймет – согласится. Ну, а кто не знает и не поймет – про того и речь не идет.

Поет-шумит по степи ковыль; поют-звенят по степи конские копыта; поют-рассказывают о жителях степей, о вольном ветре, о ярком пламени, о ясной воде. Рассказывают о том, что говорили прадедам нынешних стариков их прадеды.

* * *

Давно это случилось. Так давно, что прадеды прадедов нынешних стариков сами еще были малыми детьми и слушали сказки своих стариков; а жили тогда не в пример дольше нынешним временам. И вот что рассказывали те старики.

Жили на свете два друга-приятеля, два пастуха. Гоняли по степи овец, стригли шерсть, меняли ее да овечье молоко на хлеб и одежду – тем и жили.

И вот случилась в степи страшная засуха – ни листика, ни цветка, ни травинки зеленой не осталось – все пожег злой суховей. И решили друзья-пастухи гнать свои отары в дальние степи – за гиблые болота. Собрали овец, оседлали коней,

свистнули верного пса и отправились в путь. Днем идут; по ночам костры жгут, овец стерегут – чтобы волки да другие хищные звери не вздумали полакомиться ягненком. Спят по очереди, да и собака их сон охраняет.

День идут, другой идут, третий, четвертый... И добрались через Малый Круг дней до гиблых болот. На болотах же туман поднимается, все звуки глушатся да пропадают, а от трясины гул да вой слышатся.

Посоветовались друзья; один и говорит: – Пойду я вперед да разведая – что там впереди нас ожидать может, да свою часть отары погоню вперед.

Попытался уговорить его друг, что-поначалу-то стоит одного только пса пустить. А коли идти самому, то стоит взять с собой большой фонарь.

Но не послушался бесшабашный пастух, рассмеялся только: – Сейчас солнце встанет, утро настанет, туман растает – все видно будет. А пса одного пускать – так ждать придется – пока вернется. Чем овец кормить будем, где еды добудем?

Вроде и верно все говорил пастух, да беспокойно было на душе его друга. – Ты, – говорит, – будь осторожней: по кочкам не скачи; за собакой следуй – у нее нюх верный; да овец береги. А как до конца дороги доберешься да на твердую землю выберешься – пусти собаку обратно, она весть от тебя принесет.

Уговорились.

Свистнул бесшабашный пастух пса, да и повел своих овец

по тропке, ведущей вглубь болот. Час идет, другой, третий... А туман все не рассеивается. Вдруг видит пастух – свет впереди, огонек посверкивает. Пошел-поторопился пастух на свет, пес следом бежит, овец подгоняет. Но все сгущается туман, хотя и огонек все ближе. Заскулил, заметался по тропинке пес, будто чуя беду; зафыркал конь; забеспокоились овцы, сбились в кучу.

Час ждет друга второй пастух, другой, третий... Нет вестей, не прибегает собака. Не выдержал пастух. Поставил всех своих овец в цепочку, коня впереди, повесил большой фонарь на пастуший посох и двинулся вперед. Идет осторожно, каждый шаг посохом проверяет, фонарем дорогу освещает, да коню доверяет: куда тот шагнет – туда и пастух овец ведет.

Час идет, другой, третий, а туман все не рассеивается. Вдруг видит пастух – свет впереди, огонек поблескивает. И слышит – вроде впереди собака воеет. Поднял пастух свой фонарь, сжал крепче повод конской сбруи, проверил – все ли овцы на месте, и пошел на огонек. Видит – впереди бочажок, а рядом с бочажком конь его друга стоит – оседланный да одинокий. И ни самого пастуха, ни пса; лишь отара друг к другу жметя, да бродячие огоньки над бочажком роятся.

Булькнул бочажок, завыло из него да по-над ним. Фыркнул испуганно безвсадный конь, попятился, да и угодил в трясиину. Заржал, заметался конь, стараясь выбраться, но лишь еще глубже в болото ушел.

Остановил пастух своего коня, спрыгнул на кочку, уперся ногами да посохом покрепче. Гулко хлопнула кочка, однако удержала пастуха. Накинул он крюк с посоха на узду тонущего коня, да потянул к себе – чтобы вытащить того из болота. Долго бился – тяжело тянуть; а все же выбрался жеребец из трясины. Дрожит весь, трясется да фыркает испуганно. Принялся пастух обчищать бока, живот да ноги коня и заметил, что в стремени сапог застрял. То ли спрыгнул второй пастух на землю да оступился, а сапог и остался в стремени; то ли задремал да из седла вывалился – не поймешь.

Погоревал пастух, да делать нечего – надо дальше отару вести, с болота на дорогу выводить. Овцы же сбились в кучу, обе отары смешались, жались друг к другу и испуганно блеяли. Их пугали болото и надвигающиеся сумерки. И тут откуда-то вновь раздался вой потерявшейся собаки. Посветил пастух тропинку впереди себя фонарем и протяжно свистнул. И из полутьмы – оттуда, где прежде слышался тоскливый собачий вой – теперь раздался радостный лай. Вновь расставил пастух овец, присоединив отару погибшего приятеля к своей, в цепочку, перевел коня друга в самый конец цепочки и, крепко держа фонарь и за узду своего жеребца, осторожными шагами направился на собачий лай.

Уже в самую ночь выбрался пастух со своей отарой на твердую почву – к опушке леса, где на него с радостным лаем кинулся промокший и грязный, но здоровый и счастливый пастуший пес. А второго пастуха его друг так и не нашел.

Страсть ветра

Раскинулась по земле степь – выше гор, глубже моря. Кто знает – тот поймет, кто поймет – согласится. Ну, а кто не знает и не поймет – про того и речь не идет.

Поет-шумит по степи ковыль; поют-звенят по степи конские копыта; поют-рассказывают о жителях степей, о вольном ветре, о яром пламени, о ясной воде. Рассказывают о том, что говорили прадедам нынешних стариков их прадеды.

* * *

И было это тогда, когда силы природы могли не то становиться людьми, не то принимать их облик – никто точно уж и не помнит. Только умения сил оставались при них – огонь мог зажечь дерево или сухую траву, а то и сжечь обидчиков; вода была способна наполнить влагой пересохший колодец, или потопить деревню – если ее в той деревне обидели; сила воздуха умела сменить направление ветра, усилить его или ослабить, а тот, кто шел против силы, порой просто переставал дышать; ну а земля, слушаясь свою силу, щедро оделяла людей своими дарами, либо карала землетрясением и сходом камнепадов. И жили силы природы в мире со всеми живыми существами. Разве кто смел пойти против и попытаться причинить вред – только того карали безжалостно.

Летел над землею, над лесами, над водою и горами юно-

ша-ветер. Был он юн, лишь недавно рожден, а потому – был озорным да любопытным. Все ему было в новинку, все – интересно. Стаю ли птиц в небе увидит – закружит их, так что пернатые бедняги головы теряют – и куда летели, не помнят. Стог ли сенана поле повстречает – разметет, разбросает так, что крестьянам после заново собирать приходится; лодка ли парусная в море внимание привлечет – заиграется с ней ветер так, что людям в лодке только и остается, что ругаться на него, да молиться – чтобы живыми оставил, под воду не отправил. Не злой был тот ветер, а все едино – от шалостей его много вреда получалось.

Летал как-то ветер по миру, летал, пока не оказался неподалеку от одного острова, что лежал в бескрайнем море и был, словно морская жемчужина. Песок на том острове был белым, как праздничная скатерть; в воду спускалась скальная гряда, в которой был виден черный зев глубокой расщелины. Захотелось юному ветру разузнать-разведать новый остров, посмотреть – что скрывают в своих недрах скалы, да послушать те песни, что сам он споет в глубинах горных.

Закрутил ветер морские волны, вспенил их, подлетая к острову... И затих, узрев перед собой картину необычайную. Сидела на камне, что по плечи стоял в плещущих волнах, девушка. Юная, как ранняя заря; нежная, как волна в отлив; яркая, словно играющий на волнах луч солнца. Все прекрасно было в той девушке, только видно было по ее лицу и позе, что сильно девушка устала и сильно же напугана чем-то.

Но от чего устать ей? Что испугало ее так, что бледна была кожа и беспокоен взгляд? Хотел юноша-ветер приблизиться, но сообразил, что еще больше может напугать таинственную красавицу – ведь не было никого более вокруг, только скалы, песок да море. И решил просто понаблюдать за ней. Вовсе замер он, опустившись на песок. И утихло море вскорости, и успокоились волны. И слышен стал тихий плеск прибоя. И расслышал ветер в плеске этом – словно ручей меж камней журчит, будто песок под лаковой волной шуршит. То пела сидящая на камне девушка. Будто родник, что утоляет жажду путника в лесу, наполняла эта песня сердце юноши-ветра любовью. Познал он через эту песню радость спокойствия и тишины. И с грустью понял ветер, что буйство его веселое не по нраву придется девушке. И решил поселиться неподалеку, смирить свой взбалмошный нрав и лишь тогда свести знакомство с той, что вошла в его сердце. Так и сделал.

Поселился ветер в той самой расщелине, которую видел при своем появлении на острове. Вела расщелина в глубокую пещеру. Нередко, заслышав пение таинственной красавицы, юноша-ветер отвечал ей. Не покидая своего укрытия. Были его песни гулкими, протяжными, полными едва сдерживаемой энергией. Но не было от девушки ни единого намека на то, что слышит она пение ветра. Тогда, вовсе затихая, выходил юноша неслышно из пещеры и смотрел на девушку, будучи сам незрим. И все тише и смирнее становился ветер, но все больше слабел он. Но продолжал выходить из пещеры

каждое утро каждое утро. И каждое утро сидела девушка на камне, пела и расчёсывала длинные белые – словно пенные «барашки» на волнах – струящиеся по ее плечам волосы. Не было для юноши-ветра большей отрады, чем с каждой зарею видеть вою возлюбленную.

Но все больше и больше слабел – ведь не может ветер не летать по миру, не дуть на траву, листву деревьев, не играть с волнами – ведь иначе умрет он от нехватки сил. И лежал теперь юноша-ветер у входа в пещеру, устремив взгляд на ту, которую побоялся когда-то потревожить, и на которую мог теперь лишь смотреть, не в силах приблизиться. И даже крохотные песчинки теперь не шевелились под его дыханием.

Узнали об этом старшие ветры, обеспокоились. Прилетел на остров старый северный ветер, обернулся суровым воином. Увидел юную девушку и все сразу понял. И рассердился старый ветер на то, что губит юная красавица его собрата. Подступился к девушке, стал осыпать ее упреками. Забеспокоилось море, зашумело сердито; пошли по водной глади волны – одна другой выше, одна другой круче, одна другой страшнее да опаснее. Испугалась девушка, заметалась по берегу – по самому его краю.

Увидел все это юноша-ветер, заволновался. Хотел он успокоить, усмирить своего старшего родича, да слаб был теперь совсем – ни застонать, ни пошевелиться даже. Подхватил его северный ветер и взмыл высоко в небо.

Девушка же, видя это и скорбя о том, что стала причи-

ной гибели юного ветра, ударились о скалу. Обратилась она в волну и бросилась в море – в объятия своих родичей – волн. Видел это все улетающий ветер, да не в его власти, не в его силах было остановить любимую. И так велико было горе юноши-ветра, что придало оно ему сил. Сорвался он с рук старшего товарища и ринулся вниз. Да только не мог он теперь найти свою волну. И озлился ветер, расшвырял. Стал с тех пор самой большой опасностью для кораблей, что идут по морской глади – ведь в ссоре был теперь ветер с могучим морем, а сам окреп непомерно: ведь придавали сил ярость и горе от потери возлюбленной.

Ищет с тех пор могучий ураган свою волну, но никогда уж не найдет. Ведь не может быть ветер счастлив ни с водой, ни с землей, ни с пламенем. Суждено ветрам скитаться всегда в одиночестве либо с другими ветрами, а с другими стихиями спорить вечно.

Конец